

УДК 130.1

КАНТ И ШОПЕНГАУЭР: ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО В ТЕОРИИ СМЕХА

Селищева Анна Александровна, студент, направление подготовки 47.03.01 Философия, Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко, Оренбург, Россия
e-mail: seliiseva.ann06@gmail.com

Научный руководитель: **Закирова Татьяна Валерьевна**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко, Оренбург, Россия
e-mail: tanja1568@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнения границ между классической и постклассической рефлексией аффектов. Цель работы – выявить сдвиг в постановке вопроса о смехе: от психофизиологии к онтологии. Методами компаративного и герменевтического анализа установлено, что у Канта смех – аффект превращения ожидания в ничто, у Шопенгауэра – симптом несоответствия понятия и реальности. Новизна заключается в обосновании перехода от трактовки юмора как разрядки к пониманию его как индикатора онтологического разрыва. Результаты применимы в курсах по истории философии и эстетике. Направления дальнейших исследований связаны с сопоставлением шопенгауэровской концепции смеха с теориями комического в экзистенциализме и философии абсурда.

Ключевые слова: смех, способность суждения, воля, юмор, представление, несоответствие, комическое.

Для цитирования: Селищева А. А. Кант и Шопенгауэр: физиологическое против метафизического в теории смеха // Шаг в науку. – 2026. – № 3. – С. 62–65.

KANT AND SCHOPENHAUER: PHYSIOLOGICAL VERSUS METAPHYSICAL IN THE THEORY OF LAUGHTER

Selishcheva Anna Alexandrovna, student, training program 47.03.01 Philosophy, Orenburg State University named after V.A. Bondarenko, Orenburg, Russia
e-mail: seliiseva.ann06@gmail.com

Research advisor: **Zakirova Tatyana Valeryevna**, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University named after V.A. Bondarenko, Orenburg, Russia
e-mail: tanja1568@yandex.ru

Abstract. The relevance of this study stems from the need to clarify the boundaries between classical and postclassical reflection on affect. The aim of the work is to identify a shift in the formulation of the question of laughter: from psychophysiology to ontology. Using comparative and hermeneutic analysis, it was established that for Kant, laughter is an affect of the transformation of expectation into nothingness, while for Schopenhauer, it is a symptom of the discrepancy between concept and reality. The novelty lies in the justification for the shift from interpreting humor as a release to understanding it as an indicator of an ontological gap. The results are applicable to courses on the history of philosophy and aesthetics. Directions for further research relate to comparing Schopenhauer's concept of laughter with theories of the comic in existentialism and the philosophy of the absurd.

Key words: laughter, faculty of judgement, will, humor, representation, incongruity, comic.

Cite as: Selishcheva, A. A. (2026) [Kant and Schopenhauer: physiological versus metaphysical in the theory of laughter]. *Shag v nauku* [Step into science]. Vol. 3, pp. 62–65.

Феномен смеха, будучи, казалось бы, предметом скорее психологии или антропологии, занимает устойчивое место в истории философской рефлексии. От античных представлений о смехе как целительном «отдохновении» до психоаналитических концепций разрядки философы неизменно пытались определить сущность этого специфически человеческого аффекта. В немецкой классической философии и последовавшем за ней постклассическом дискурсе проблема смеха обретает особую остроту, поскольку напрямую соприкасается с вопросами познания, субъективности и природы реальности. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью концептуального уточнения перехода от классического понимания смеха как гносеологического феномена к постклассической трактовке его как онтологического симптома. В современной гуманитарной науке наблюдается возрождение интереса к философским теориям аффектов, и смех выступает уникальным маркером, позволяющим проследить трансформацию представлений о соотношении разума, тела и реальности.

Центральными фигурами здесь выступают Иммануил Кант и Артур Шопенгауэр. Критическое отношение Шопенгауэра к кантовской дефиниции смеха общеизвестно; он полагал излишним даже доказывать её ошибочность [3, с. 45]. В переходе от кантовского «превращения ожидания в ничто» к «несовпадению понятия с реальностью» фиксируется смена философской парадигмы: смех перестаёт быть характеристикой работы рассудка и становится индикатором онтологической структуры мира. Цель данной статьи – показать, что различие между двумя подходами знаменует собой не просто замену одного определения другим, а фундаментальный сдвиг в способе философской постановки вопроса о смехе. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: эксплицировать кантовскую теорию смеха в контексте его критической философии; реконструировать шопенгауэровскую концепцию смеха как часть его метафизики воли; провести компаративный анализ двух подходов; определить место шопенгауэровской теории в переходе от классической эстетики к философии жизни и экзистенциализму.

Исходным пунктом для любого исследования комического в XVIII веке служит кантовская антропология. В «Критике способности суждения» Кант определяет смех как «аффект от внезапного превращения напряжённого ожидания в ничто» [1, с. 204]. Важно подчеркнуть, что это превращение не есть переход в позитивную противоположность, которая могла бы огорчить или разочаровать рассудок, но именно в ничто, в отсутствие ожидаемого объекта [1, с. 205]. В этом механизме ключевую роль играет «игра пред-

ставлений». Сначала происходит интеллектуальное напряжение, которое внезапно снимается. Это снятие, будучи бесполезным для познания, передаётся на тело, вызывая вибрацию, полезную для здоровья. Кант, таким образом, даёт психосоматическое обоснование: смех – это удовольствие от телесной разрядки, вызванной интеллектуальной «игрой впустую». Как справедливо отмечает А. Д. Кошелев, в рамках когнитивного подхода это можно трактовать как столкновение бессознательного умозаключения с его опровержением, что, однако, не несёт угрозы субъекту [2, с. 71]. Кант остаётся в поле гносеологической субъективности: смех рождается в сознании наблюдающего субъекта как реакция на игру его собственных познавательных способностей.

Однако кантовская теория не лишена внутренних напряжений. Во-первых, остаётся неясным, почему именно «превращение в ничто» вызывает положительное чувство удовольствия, а не индифферентности. Кант объясняет это через телесное здоровье, но тем самым выносит источник удовольствия за пределы собственно эстетической сферы. Во-вторых, определение смеха через «ожидание» хорошо работает для анекдота или остроты, но хуже – для ситуационного юмора, абсурда или иронии, где нет явного «ожидания» как такового. Эти слабые места станут мишенью для шопенгауэровской критики.

Шопенгауэр, отталкиваясь от кантовского разделения мира на явление и «вещь в себе», но радикально переосмысляя последнюю как волю, переводит проблему смеха в иную плоскость. Его теория строится на фундаментальном для его системы противопоставлении наглядного и абстрактного знания. Если для Канта ключевой была категория ожидания, то для Шопенгауэра – категория несовпадения [4, с. 98]. Смех – это выражение внезапного осознания того, что наш абстрактный понятийный аппарат, служащий для «вторичного» познания мира представлений, всегда ущербен по отношению к единичному, конкретному объекту, данному в созерцании. Иными словами, смех возникает в тот момент, когда мы замечаем, что под одно понятие подведён объект, который этому понятию не вполне соответствует, причём несоответствие обнаруживается неожиданно и с очевидностью.

В этом контексте Шопенгауэр вводит знаменитое различие двух видов смешного. Первый вид – острота (Witz). В остроте мы идём от реальных, наглядно данных объектов к понятию, в котором они насильственно и неожиданно объединяются. Острота, таким образом, есть способность усматривать сходство в различном. Смех возникает оттого, что мы вдруг понимаем: понятие шире и грубее, чем те единичные случаи, которые оно призвано охватывать. Второй

вид – глупость (Nartheit) или наивность. Здесь движение обратное: мы идём от готового абстрактного понятия к реальности и поступку, который эту реальность игнорирует. Классический пример Шопенгауэра: человек, который выучил правило, что «где дым, там и огонь», и начинает искать огонь везде, где видит дым. Глупость смешна потому, что мы видим, как абстрактное понятие насилует живую конкретную реальность. Важно, что и острота, и глупость – это два полюса одного и того же фундаментального несоответствия между общим и единичным.

Принципиально здесь то, что смех для Шопенгауэра перестаёт быть только лишь аффектом тела или игрой ума. Он становится косвенным подтверждением его метафизики. Воля как «вещь в себе» иррациональна и слепа, а мир представлений структурирован формами субъекта – пространством, временем и причинностью, которые обобщаются в понятиях. Смех маркирует то место, где обнаруживается зазор между этими уровнями реальности. Для Шопенгауэра серьёзный человек наивно полагает, что вещи таковы, как он их мыслит, в то время как смеющийся прозревает иллюзию этого тождества [4, с. 105]. Смех оказывается симптомом онтологической недостаточности понятийного мышления. Именно поэтому, по Шопенгауэру, наиболее способны к тонкому юмору люди с преобладанием интеллекта (учёные, философы, художники), тогда как люди, целиком поработанные волей, обычно лишены чувства юмора.

Сопоставляя два подхода, можно выделить три уровня трансформации проблемы. Первый уровень: от телесного эффекта к метафизическому симптому. У Канта тело выступает конечным получателем и интерпретатором «игры ума»; смех завершается в телесном ощущении здоровья [1, с. 208]. У Шопенгауэра тело и его аффекты суть проявления воли, однако в теории смеха акцент смещается на интеллект, который на мгновение возвышается до понимания собственных границ [4, с. 107]. Смех – это не просто телесная разрядка, а интеллектуальное торжество над собственной ограниченностью, выраженное через физиологический акт. Второй уровень: от «превращения в ничто» к «обнаружению несовпадения». Кантовское «ничто» – это результат, отсутствие предмета ожидания, пустота [1, с. 204]. Шопенгауэровское «несовпадение» – это не результат, а само отношение, процесс, фиксирующий разрыв между двумя онтологическими порядками [4, с. 99]. Кант описывает, как мы смеёмся, Шопенгауэр объясняет, почему это вообще возможно в мире, устроенном определённым образом. Для Канта смех свидетельствует о гибкости и игровой природе нашего ума [1, с. 206]. Для Шопенгауэра – о фундаментальной неадекватности на-

ших абстракций конкретности жизни, о власти Воли, которая всегда ускользает от Разума [4, с. 110]. Третий уровень: от субъективной игры к объективной иронии бытия. У Канта мир представлений остаётся прозрачным для рассудка, а смех – лишь отклонение от нормы познания [1, с. 207]. У Шопенгауэра само мироустройство иронично: понятия претендуют на истину, но реальность всегда богаче и нелепее их [4, с. 112]. Таким образом, острота и глупость – не просто психологические типы, а две стороны одной медали: нашей неизбежной попытки подчинить многообразие мира единообразию мысли и неизбежного провала этой попытки.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, как эти две теории соотносятся с более поздними разработками в философии смеха. Шопенгауэровская концепция оказала прямое влияние на Фридриха Ницше, который развил идею смеха как выражения сверхчеловеческой дистанции по отношению к серьёзности морали. Особую линию в философии смеха образует теория Анри Бергсона, изложенная в работе «Смех» (1900): комическое возникает там, где мы обнаруживаем «механическое, накладываемое на живое» [5]. Бергсон, в отличие от Шопенгауэра, трактует смех не как метафизическое прозрение, а как социальный жест, с помощью которого общество исправляет косность и автоматизм индивида. Через Ницше и через шопенгауэровскую философию жизни эта линия передаётся экзистенциализму. Альбер Камю в «Мифе о Сизифе» описывает абсурд как несовпадение между человеческой потребностью в смысле и безмолвной реальностью – структура, почти дословно воспроизводящая шопенгауэровское «несовпадение» [6]. Сёрен Кьеркегор развивает концепцию юмора как последней стадии экзистенциального становления перед религиозной верой, где юмор – это способность держать дистанцию по отношению к собственному страданию [7]. Кантовская традиция, напротив, продолжается в психоанализе (через фрейдовскую теорию остроумия как экономии психической энергии) и в когнитивной психологии, где смех изучается как механизм обработки неожиданной информации. Обе линии не исчезли, а разошлись по разным дисциплинарным руслам: кантовская – в эмпирических науках о смехе, шопенгауэровская – в континентальной философии и теории искусства.

Таким образом, сравнительный анализ теорий смеха Канта и Шопенгауэра позволяет увидеть не просто смену одного определения другим, а фундаментальный сдвиг в философском дискурсе – от эпистемологии к метафизике, от вопроса об условиях познания к вопросу о природе реальности. Кант, оставаясь в рамках просвещенческой гносеологии, рассматри-

вает смех как игру познавательных способностей, полезную для тела и безвредную для рассудка [1, с. 209]. Для Канта смех – это эпизод, который не угрожает и не углубляет наше знание, но подтверждает здоровье нашей познавательной машины. Шопенгауэр, выстраивая свою метафизику Воли, превращает смех в инструмент философской критики самого разума [4, с. 115]. Смех обнажает трагикомическую сущность бытия: вечное и безнадёжное стремление абстрактного понятия объять необъятное многообразие реального объекта. В этом смысле шопенгауэровская теория смеха является важнейшим звеном, связывающим классическую эстетику с философией жизни и экзистенциализмом, предвосхищая более поздние концепции «абсурда» и «пограничных ситуаций». Смех у Шопенгауэра – это не просто физиологическая реакция и не просто эстетическое удовольствие. Это философский акт, пусть и совершённый телом, акт, который на мгновение освобождает человека от служения воле и позволяет ему увидеть мир без иллюзий. Именно поэтому шопенгауэровский смех всегда немного

горьковат: это смех над собой, над своей неизбежной глупостью, над тем, что даже самый умный человек постоянно попадает в ловушку собственных понятий. Кантовский смех, напротив, беззаботен и оптимистичен: он говорит о том, что наш ум устроен хорошо, а мир – не так уж страшен, если мы умеем над ним посмеяться.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования её результатов в учебных курсах по истории философии, эстетике и философской антропологии. Различение двух парадигм – «разрядки» (Кант) и «несовпадения» (Шопенгауэр) – может быть применено для анализа современных феноменов комического, от стендапа до интернет-мемов, где часто работают оба механизма одновременно. Дальнейшие исследования могут быть направлены на сопоставление шопенгауэровской концепции смеха с теориями комического в экзистенциализме (Кьеркегор, Камю), в психоанализе (Фрейд, Лакан) и в современной когнитивной науке, где накапливаются эмпирические данные о нейрокоррелятах юмора.

Литература

1. Кант И. Критика способности суждения: пер. с нем. – М.: Искусство, 1994. – 365 с.
2. Кошелев А. Д. О когнитивном языке мысли и его использовании для описания языковых значений и визуальных событий // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук: коллективная монография / отв. ред. В. И. Заботкина. – М.: ЯСК, 2017. – 360 с.
3. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре / науч. ред., комментарии Ю. С. Рассказова. – М.: Лабиринт, 1999. – 285 с.
4. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / пер. А. Фета, предисл.: Н. Страхов. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1881. – XXXVI, 490 с.
5. Bergson H. (1911) *Laughter: An Essay on the Meaning of the Comic* / trans. by C. Brereton, F. Rothwell. New York: The Macmillan Company, 200 p.
6. Camus A. (2005) *The Myth of Sisyphus* / trans. by J. O'Brien. London: Penguin Books, 170 p.
7. Kierkegaard S. (1987) *Either/Or* / ed. and trans. by H. V. Hong, E. H. Hong. Princeton: Princeton University Press, 529 p.

Статья поступила в редакцию: 21.04.2026; принята в печать: 05.08.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.